

О зарубежном опыте стратегического планирования обеспечения национальной безопасности

В.П. Назаров

Совет безопасности Российской Федерации

Целью предлагаемой статьи является обобщение лучших зарубежных практик стратегического планирования в интересах повышения эффективности государственной политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз.

На основе анализа зарубежных подходов к обеспечению национальной безопасности сформулированы выводы о необходимости развития в политической и управленческой практике таких важнейших составляющих стратегического планирования, как стратегическое прогнозирование, мониторинг и оценка состояния национальной безопасности. Особое внимание, с точки зрения применимости к российским реалиям, уделено американскому опыту стратегического планирования. Показаны истоки и сущность господствующей в американской политике с начала 90-х гг. идеологии американоцентризма, выявлена важность для обеспечения национальной безопасности задействования в государственной политике всего спектра «мягкой силы» по конкретным направлениям обеспечения национальных интересов, сделан вывод о важности неразрывной взаимосвязи и взаимовлиянии планирования и управления.

Исходя из анализа зарубежного опыта, показана необходимость существенной корректировки стратегического целеполагания, прежде всего в важнейших российских документах стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование; целеполагание; устойчивое развитие; управление, моделирование и прогнозирование; стратегические приоритеты

Планирование и предшествующее ему прогнозирование уже многие годы служат непременной составляющей деятельности зарубежных государственных структур и корпоративного сообщества. Катализатором прогнозирования выступает желание заранее выявлять и анализировать острые

УДК: 355/359

Поступила в редакцию: 25.09.2019 г.

Принята к публикации: 10.10.2019 г.

проблемы экономики, политики и социальной сферы с целью заблаговременной подготовки мер реагирования.

Во многих странах традиционной стала практика разработки планов на самые различные сроки — от трёх-четырёх до пяти лет с горизонтом прогнозирования на 25-30 и более лет. К ним добавляются антикризисные программы. В США, странах Евросоюза и Японии регулярно разрабатываются национальные и межгосударственные целевые программы осуществления научно-технологических прорывов и решения крупных социально-экономических проблем.

В настоящее время в мировой практике выделяют следующие модели стратегического планирования: американскую (США, Канада), европейскую (Великобритания, Франция, Германия, Швеция и др.) и азиатскую (Япония, Республика Корея, Сингапур). Особняком стоят китайская, индийская и вьетнамская модели.

Основу многих используемых моделей заложили пионерские работы 60-х 70-х гг. прошлого века специалистов Римского клуба (Forrester 1968, 1969; Meadows... 1972) и «РЭНД Корпорэйшн» (Gordon 1964), которые разработали методы долгосрочного количественного прогнозирования. Принципиальные черты концептуальных взглядов Великобритании (Porter 1945), Германии (Gattermann 2012), Франции (Арон 1993), Израиля (Воробьёв 2002) на обеспечение национальной безопасности достаточно хорошо описаны.

В целом, несмотря на различия в подходах, в зарубежных воззрениях и концепциях обеспечения национальной безопасности есть одно ключевое общее звено: государственная политика в области обеспечения национальной безопасности основана на стратегическом планировании. Именно через этот инструментарий государством определяются цели, задачи, важнейшие направления и ориентиры развития и обеспечения безопасности. В частности, это приоритетные направления сосредоточения усилий общества и власти по парированию вызовов и угроз, ориентиры, какие перспективные технологии наиболее востребованы для обеспечения конкурентоспособности, технологического и военного лидерства, какие рынки будут иметь приоритетное значение, а также какие негосударственные и общественные структуры целесообразно поддерживать и на каких условиях.

Для США такое видение проблем национальной безопасности имеет доктринальный характер. Стратегия национальной безопасности США, как ключевой документ стратегического планирования, рассматривается американскими специалистами в качестве интеллектуального продукта, определяющего совокупность взаимосвязанных идей в области управления тенденциями, реальными и прогнозируемыми, для защиты постоянных интересов общества и государства.

В основе американских подходов к обеспечению национальной безопасности лежит стремление к сохранению бесспорного мирового лидерства и превосходства Соединённых Штатов, которое в современной американской поли-

тологии наиболее полно и ярко раскрыто в работах З. Бжезинского (Brzezinski 1990; 1997; 2004). При этом ещё со времён отцов-основателей для американского политического класса характерно мессианство (Киссинджер 1996: 10), базирующееся на «убеждённости в том, что предназначение Соединённых Штатов — не только “служить примером миру”, но и действительно “помогать” ему прийти в соответствие с американскими представлениями о добре и зле» (Богатуров 2004: 81).

Критика цинизма и порочности вестфальского миропорядка, основанного на *Realpolitik*, усиливает убеждённость американской политической элиты в американской исключительности и праве на односторонние действия «во имя высшей справедливости». Хотелось бы полностью согласиться с выводами А.Д. Богатурова, который отмечает такие характерные для американского политического мышления черты, как мессианство, готовность к односторонним действиям во имя американских интересов, упоённость идеей демократизации по американскому образцу (Богатуров 2004: 85).

Господствующей идеологемой американской политики с начала 90-х гг. – после распада СССР, окончания холодной войны и биполярного миропорядка – стал американоцентризм. Главной целью американской политики стало недопущение появления на мировой арене в целом и в каждом из регионов мира силы (государства), способной бросить вызов лидерству США (Szayna... 2019). Поскольку демократия объявляется универсальной ценностью, в последние два десятилетия утверждается понимание, что современные демократии, как правило, не ведут войн друг против друга – не вообще войн, ибо эти страны могут быть втянуты в них тоталитарными или авторитарными режимами, вынуждены предпринимать превентивные акции в случае угрозы в той или иной форме их безопасности: речь идёт именно и прежде всего об исключении войн друг против друга.

Одним из идеологов «теории демократического мира» является Рудольф Руммель. Используя статистический метод, он сделал предположение, что вероятность вооружённого конфликта между демократическими государствами наименее вероятна и что «демократии не воюют друг с другом» (Rummel 1984: 443). Он же автор концепции демоцида, включающей различные формы массовых убийств невооружённого гражданского населения (например, геноцид), осуществляемых правительством. Согласно его исследованиям, количество людей, погибших от демоцида только в течение одного XX в., в шесть раз больше, чем за все войны этого столетия, вместе взятые (Rummel 1997: ix).

Практическим выводом из теории демократического мира стала «концепция расширения демократии», которую 21 сентября 1993 г. помощник президента США по национальной безопасности Энтони Лейк изложил в своём выступлении в Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Гопкинса, Вашингтон. Смысл этой концепции состоял в том, что содействии демократизации бывших социалистических режимов в Евразии провоз-

глашалось приоритетом американской внешней политики (Lake 1993). В июле 1994 г. идеи Лейка были положены в основу документа СНБ США — директивы «Стратегия национальной безопасности посредством вовлечения и расширения» (*A National Security Strategy of Engagement and Enlargement*)¹. Впоследствии концепция демократизации активно применялась Соединёнными Штатами в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Важной чертой американской внешней политики является её зависимость от внутривнутриполитических, особенно предвыборных факторов. Хотя по принципиальным вопросам внешней политики, национальным приоритетам и интересам в США традиционно наблюдается двухпартийный консенсус, конкретные внешнеполитические решения, среди которых и вопрос о применении военной силы, нередко принимаются, исходя из этих конъюнктурных соображений. В связи с этим импульсивность и непродуманность многих решений американских администраций в 2000-х гг., в том числе о начале военных операций в Афганистане и Ираке, следует искать не в снижении уровня американской политологической или страноведческой школы — отнюдь нет. Причина — в стремлении власти, прежде всего президентской администрации, найти такие внешнеполитические рецепты, которые бы в наибольшей степени укрепляли её внутривнутриполитические позиции в данный момент времени.

Это не новый феномен для американской политической жизни. Ещё Г. Киссинджер в своём фундаментальном труде «Дипломатия» отмечал, что многие исследователи сильно преувеличивают роль разведки и её влияние на принятие внешнеполитических решений. На самом деле, «когда политические деятели что-то решают, — писал он, — разведывательные службы стремятся отыскать оправдание этим решениям... В реальном мире оценки разведок чаще всего следуют за политическими решениями, а не их направляют» (Киссинджер 1997: 272). Тем более данный вывод применим к рекомендациям американских экспертов из академических кругов. Хотя в американских университетах и научных центрах можно найти весьма компетентных специалистов практически по любой международной и региональной проблеме, в том числе по отдельным этносам, образующим даже не самые заметные страны «третьего мира», и они привлекаются соответствующими ведомствами к проработке вариантов политических решений, сами решения нередко принимаются руководством страны без учёта экспертных заключений, особенно в сложной для них внутренней ситуации.

Как представляется, в нынешних условиях, характеризующихся кризисным состоянием американской политической системы в целом, растущие обвинения американской внешней политики в непрофессионализме зачастую объясняются именно стремлением Белого дома прибегать к политическому манипулиро-

¹ Подробнее см.: URL: http://tajni.ru/amerikanskaya_koncepciya_rasshireniya_demokra-a1521.html (дата обращения 26.09.2019)

ванию, в том числе в области внешней политики, в интересах укрепления своих внутривнутриполитических позиций.

Указанные черты американской внешней политики, особенно отчётливо проявившиеся после окончания холодной войны и биполярного мира, вызывают растущее недовольство среди американских союзников и партнёров, которых не устраивает американская формула союзничества как альянса сильного, ведущего, с менее сильным, ведомым (Богатуров 2004: 91), особенно в положении, когда этот лидер становится не всегда предсказуемым. Именно в этих особенностях современной американской политической культуры следует искать причины усиливающихся трений в отношениях США с их союзниками и партнёрами и ослаблении американского лидерства в последние годы. Данную тенденцию вынуждены констатировать сегодня многие видные американские исследователи (Lake 2018).

Следует отметить, что на государственном уровне стратегическое планирование в США в классическом понимании этого термина – как инструмента стратегического целеполагания и координации деятельности всех участников стратегического планирования на этапах подготовки и реализации тех или иных политических, военных и иных решений – прослеживалось только у «силовой» компоненты и охватывало прежде всего военную и международную сферу. Иные аспекты жизнедеятельности государства и общества, затрагивающие вопросы развития экономики, социальной сферы, науки и технологий, не освещались в официальных концептуальных и доктринальных документах США.

Однако после терактов 11 сентября 2001 г. и создания Совета внутренней безопасности (*Homeland Security Council*), Управления (октябрь 2001 г.), а затем и Министерства внутренней безопасности (март 2003 г.)² отчётливо проявляется системный подход, непосредственно увязывающий вопросы обеспечения национальной безопасности с задачами поддержания экономической и социальной стабильности.

В частности, в соответствии с Законом о внутренней безопасности США³, Министерство внутренней безопасности включило в свой состав ряд ведомств, которые ранее самостоятельно занимались различными аспектами национальной безопасности: Береговую охрану, Федеральную службу охраны (*Federal Protective Service*), Таможенную и Пограничную службы, Секретную службу, Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях, Администрацию транспортной безопасности, Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры.

Создание данного ведомства знаменовало собой новое, расширенное, понимание правящими кругами США феномена «национальная безопасность».

² Подробнее см.: URL: <http://www.whitehouse.gov/infocus/homeland/index.html> (accessed 26.09.2019)

³ Подробнее см.: Homeland Security Act of 2002. URL: <https://www.dhs.gov/homeland-security-act-2002> (accessed 26.09.2019)

Впервые была создана структура органов исполнительной власти, которая консолидировала усилия как традиционных силовых структур, так и структур в области международной безопасности, информационной безопасности, обеспечения защиты инфраструктуры и коммуникаций и ряда иных подразделений в интересах предотвращения угрозы совершения террористических актов, борьбы с терроризмом и ликвидации последствий терактов и стихийных бедствий.

Ещё более отчётливо принцип «безопасность через развитие» прослеживается в Стратегиях национальной безопасности США, принятых администрацией Б. Обамы (СНБ-2010, СНБ-2015). Набор целей и задач не сводится лишь к военной составляющей. К ним отнесены и экологические проблемы, и социальные, и даже недостатки в национальной системе образования.

В наибольшей степени этот системный подход проявился в редакции Стратегии национальной безопасности США 2017 г., в которой в число национальных интересов впервые включено содействие американскому процветанию, а задачи, помимо поддержки внутреннего производственного сектора, надёжной оборонно-промышленной базы и устойчивых цепочек снабжения, дополнены широким комплексом приоритетов в области экономики, включая модернизацию американской экономики, технологическое лидерство и защиту интеллектуальной собственности, восстановление американской экономической мощи и доверия к экономической модели США. Особенно впечатляют новые формулировки задач в области энергетики: достижение энергетического доминирования, центрального положения США в глобальной энергетической системе как ведущего производителя, потребителя и инноватора в энергетической сфере⁴.

Аналогичный подход к обеспечению национальной безопасности прослеживается в последних редакциях стратегий национальной безопасности Швейцарии (2016 и 2010 гг.)⁵ и Турции (*Milli Güvenlik Siyaseti Belgesi*)⁶.

Таким образом, расширенное понимание задач обеспечения национальной безопасности, увязывающее их с вопросами устойчивого развития экономики и поддержания социальной стабильности, является современной тенденцией в развитии политической теории.

Основой системы документов стратегического планирования в США является Стратегия национальной безопасности. Новые американские подходы к обеспечению национальной безопасности вобрали в себя положения и терминологию, разработанные за последние годы такими учеными, как Дж. Най и др., концепций «мягкой силы» и «умной силы». Кстати, Дж. Най считает данную концепцию не только инструментом внешнего влияния, но и самым экономным

⁴ Подробнее см.: National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 26.09.2019)

⁵ Подробнее см.: URL: <https://nashagazeta.ch/node/22108> (accessed 26.09.2019)

⁶ Подробнее см.: URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/milli-guvenlik-siyaset-belgesi-degistiriliyor-38669437> (accessed 26.09.2019)

способом обеспечения национальной безопасности: «Если ведущая держава исповедует ценности, которым хотят следовать другие, лидерство обходится ей дешевле» (Нью 2005: 6). В частности, критикуя политику нескольких последних администраций США, Дж. Най пишет, что Америка сталкивается с наибольшими угрозами своей безопасности именно сегодня, когда её военный потенциал беспрецедентно и неоспоримо высок. Это обстоятельство важно учитывать при формировании нашей стратегической линии.

Главная идея, заложенная в СНБ-2010, заключается в необходимости постоянно корректируемого и сбалансированного использования всех инструментов американской мощи, включая военные, политические, экономические, дипломатические, разведывательные, информационно-пропагандистские, гуманитарные, в области культуры и пр. При этом подчёркивается необходимость совместных действий государств в рамках международного права с упором на дипломатические методы решения спорных вопросов⁷.

В Стратегии национальной безопасности США 2017 г. основной упор делается на то, что Китай и Россия являются главными стратегическими соперниками США в военно-политической сфере. Указывается, что эти страны, бросая вызов США, начали восстанавливать своё региональное и глобальное влияние; полны решимости сделать свои экономики менее свободными и менее справедливыми; направляют свои инвестиции в развивающиеся страны в целях получения конкурентных преимуществ перед США; усиливают военный потенциал; контролируют информацию и данные; используют пропаганду для продвижения антизападных взглядов, а также внесения раскола между США и их союзниками; пытаются изменить международный порядок в своих интересах⁸.

С учётом таких оценок особого внимания заслуживает алгоритм выработки Стратегии национальной безопасности США, а также американский опыт организации мониторинга вызовов и угроз национальной безопасности.

Непосредственные угрозы национальной безопасности США выявляются в рамках мониторинга текущей военно-политической обстановки в мире. Ведомства, задействованные в данном процессе, отслеживая события, происходящие в различных регионах мира, выбирают среди них те, которые имеют отношение к безопасности США или продвижению их интересов. В случае возникновения кризисной ситуации в том или ином районе мира органы разведки на местах направляют на Объединённый командный центр КНШ «Доклад по планированию операции». Представление этого доклада вышестоящим органам преследует цель обратить внимание руководства страны на потенциально кризисную ситуацию, в которой, возможно, потребуются применение американских вооружённых сил.

⁷ Подробнее см.: National security strategy of the United States. May 2010. Washington, DC, 2010. URL:// www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 26.09.2019)

⁸ Подробнее см.: National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 26.09.2019)

Анализ американского опыта, а также опыта ряда других развитых стран в организации системы обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования позволяет вычлнить несколько важнейших особенностей.

Первая связана с тем, что, несмотря на создание Министерства внутренней безопасности, важнейшей составной частью управления обеспечением национальной безопасности США остается планирование применения вооруженных сил. Учитывая роль и место, которые традиционно занимают вопросы обороны в общей политике обеспечения национальной безопасности, понятия «политика национальной безопасности» и «военная (оборонная) стратегия» иногда употребляются в США как синонимы.

Вторая особенность — подготовка в рамках реализации Стратегии национальной безопасности ежегодного доклада президента Конгрессу о стратегии национальной безопасности США (Закон «О национальной безопасности» от 1947 г., ст. 108), в котором определяются цели, задачи и направления деятельности американской администрации на предстоящий год. Данный доклад является основой формирования всего пакета концептуальных и программных документов стратегического планирования и несет в себе важнейшую организационную функцию. При этом Стратегия национальной безопасности служит связующим звеном между внешнеполитической, военной и иными стратегиями, является их идейно-теоретической платформой. На её основе министр обороны США готовит ежегодный доклад о состоянии дел в области обороны и направлениях военного строительства, а Комитет начальников штабов — доклад, в котором характеризуются в том числе и стратегические планы на будущее. Аналогичные мероприятия проводятся более чем 70 американскими ведомствами.

И наконец, важно отметить внимание политического руководства к прикладной и фундаментальной науке, позволяющей сформировать целостный взгляд на проблемы обеспечения национальной и военной безопасности, выработать параметры долгосрочной стратегии и текущей деятельности государства в области внешней и военной политики, а также обеспечивать тесное взаимодействие между соответствующими элементами организационной структуры в интересах выполнения общих задач.

Таким образом, анализ зарубежного опыта позволяет более чётко описать сущность стратегического планирования в сфере обеспечения безопасности, которая состоит в том, что планирование и управление рассматриваются в неразрывной взаимосвязи и взаимовлиянии, а выработка стратегических замыслов (стратегий) базируется на стратегическом прогнозировании и оценке будущих возможных устойчивых макросостояний управляемой системы. Для выбора наиболее рационального варианта используется единый критерий — обеспечение максимума безопасности в процессе достижения управляемой системой целевого состояния.

Как видно, в данном подходе важное место отводится методам управления, моделирования и прогнозирования. Это необходимо для оценки опасности и

рисков реализации каждого варианта стратегии путём моделирования процесса достижения управляемой системой целевого состояния с учётом возможности в каждой точке «целевой траектории» изменить стратегию дальнейшего движения к цели, что представляет практическую значимость для отечественных разработок в области стратегического планирования.

С точки зрения политической практики для совершенствования российской системы стратегического планирования целесообразно было бы, учитывая оценки, данные России в базовом документе стратегического планирования США — Стратегии национальной безопасности, существенно скорректировать стратегическое целеполагание в таких важнейших документах стратегического планирования, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Концепция внешней политики России, Военная доктрина России, Доктрина информационной безопасности, Стратегия экономической безопасности и в ряде других. Речь идёт о необходимости уточнить задачи по обеспечению национальной безопасности и соотнести оценки и требования этих документов с текущими и перспективными политическими, экономическими и военно-стратегическими реалиями.

Практический интерес с точки зрения развития отечественной системы стратегического планирования представляет американский опыт мониторинга и оценки состояния национальной безопасности, механизм реагирования органов государственной власти на его изменения, а также алгоритм подготовки и структура директивы президента по национальной безопасности, которая является исполнительным документом Стратегии национальной безопасности и определяет внешнюю, военную, экономическую политику США, включая задействование всего спектра «мягкой силы», по конкретным направлениям обеспечения национальных интересов. Такой опыт мог бы быть использован для совершенствования системы документов стратегического планирования, порядка взаимодействия между всеми участниками стратегического планирования и повышения эффективности государственного управления в целом.

Об авторе:

Владимир Павлович Назаров — кандидат политических наук, советник секретаря Совета безопасности Российской Федерации. 103132, Россия, Москва, Ипатьевский пер., д. 4. E-mail: vladimir.nazarov@novatek.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: 25.09.2019

Accepted: 10.10.2019

Western Experience in Strategic Planning for National Security

V.P. Nazarov

DOI 10.24833/2071-8160-2019-5-68-12-23

Russian Federation Security Council

Abstract: The purpose of this article is to provide an overview of the best Western practices in strategic planning with the view to improve the effectiveness of the Russian Federation national security policy in the face of new challenges and threats.

Having analyzed Western approaches to ensuring national security, the article concludes that the political and governance practice needs to include more of strategic planning elements, such as strategic forecasting, monitoring, and national security assessment. Based on applicability to the Russian environment, the article particularly focuses on the American experience in strategic planning and discusses the origins and nature of the ideologeme of Americentrism that has dominated the American politics since 1990s. The author reveals how important role the use of soft power in specific national interests plays in the government policy for national security purposes and concludes that interrelation and mutual influence between planning and governance are indispensable.

Having analyzed the Western practices, the article demonstrates the need to adjust significantly the strategic goal setting, first and foremost in Russia's essential strategic planning documents.

Key words: strategic planning; goal setting; sustainable development; governance, modeling and forecasting; strategic priorities.

About the author:

Vladimir P. Nazarov — Ph.D. in Political Sciences, Advisor to the Russian Federation Security Council Secretary. Ipatievsky per. 4, Moscow, Russia, 103132.

E-mail: vladimir.nazarov@novatek.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Brzezinski Z. 1990. *Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. New York: Collier Books.

Brzezinski Z. 1997. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Basic Books.

Brzezinski Z. 2004. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. Basic Books.

Forrester J.W. 1969. *Urban dynamics*. Waltham, MA: Pegasus Communications.

Forrester J.W. 1968. Market Growth as Influenced by Capital Investment. *Industrial Management Review*. IX(2).

Gattermann C. 2012. *Die neue alte Welt. Aufsätze zur Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland* (Universitätsdrucke Göttingen). Universitätsverlag Göttingen, Göttingen.

Gordon Th., Helmer-Hirschberg O. 1964. *Report on a Long-Range Forecasting Study*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. URL: <https://www.rand.org/pubs/papers/P2982.html> (accessed 26.09.2019).

Lake A. 1993. *Remarks of Anthony Lake, Assistant to the President for National Security Affairs "From Containment to Enlargement"*. Johns Hopkins University, School of Advanced International Studies. Washington, D.C. URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/lakedoc.html> (accessed 26.09.2019)

Lake D. 1999. *Entangling Relations: American Foreign Policy in Its Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 332 p.

Lake D. 2018. *International Legitimacy Lost? Rule and Resistance When America Is First*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/S1537592717003085

Lake D. 2018. *Perspectives on Politics*. Vol. 16, Issue 1. Pp. 6-21. DOI: 10.1017/S1537592717003085

Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W. 1972. *The Limits to Growth*. New York: Universe Books.

Nye J.S. Jr. 2005. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs.. 130 p.

Popper K. 1945. *The Open Society and Its Enemies*.

Rummel R.J. 1984. Libertarianism, Violence within States, and the Polarity Principle. *Comparative Politics*. 16(4). Pp. 443-462. New York : Comparative Politics, Ph.D. Programs in Political Science.

Rummel R.J. 1992. *Democide: Nazi Genocide and Mass Murder*. New Brunswick: Transaction Publishers.

Rummel R.J. 1997. *Power Kills: Democracy as a Method of Nonviolence*. New Brunswick: Transaction Publishers.

Szayna Th.S., Daniel Byman D., Bankes S., Eaton D., Jones S., Mullins R., Lesser J. and Rosenau W. 2001. *The Emergence of Peer Competitors: A Framework for Analysis*. Santa Monica, California: RAND Corporation. MR-1346-A. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1346.html (accessed 26.09.2019)

Aron R. 1993. *Demokratiia i totalitarizm (Démocratie et totalitarisme)* [Democracy and Totalitarianism]. Pervod s frantsuzskogo G.I. Semenova. Moscow: Tekst. 304 p. (In Russian)

Bogaturov A. 2004. Istoki amerikanskogo povedeniia. *Rossii v globalnoi politike*. №6. (In Russian) URL: https://globalaffairs.ru/number/n_4204 (accessed 26.09.2019)

Kissindzher G. 1997. *Diplomatiia*. Moscow: Lodomir. 848 p. (In Russian).

Vorobev V. 2002. *Konstitutsionno-pravoivaia sistema Gosudarstva Izrail* [Constitutional and Legal System of the State of Israel]. Moscow: MGIMO; Izdatelskii dom "Nnatsionalnoe obozrenie". 319 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Арон Р. 1993. *Демократия и тоталитаризм (Démocratie et totalitarisme)* (1963). Перевод французского Г.И. Семёнова. Москва: Текст. 304 с.

Богатуров А. 2004. Истоки американского поведения. *Россия в глобальной политике*. № 6. Ноябрь/декабрь. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_4204 (дата обращения 26.09.2019)

Воробьёв В. 2002. *Конституционно-правовая система Государства Израиль*. Москва: МГИМО, Издательский дом «Национальное обозрение». 319 с.

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия*. Москва: Ладомир. 848 с.